

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Охота на гиену

«Автор»

2002

Александрова Н. Н.

Охота на гиену / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2002 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Почерк этого маньяка-убийцы не спутаешь ни с кем: он убивает женщин в день их рождения и кладет на трупы жертв красные розы. Следствие установило виновника и закрыло дело. Но Надежде Лебедевой и оперативнику Гусеву не дают покоя некоторые обстоятельства дела, и они продолжают расследование на свой страх и риск. Одно только они не предусмотрели: охотясь на маньяка, легко стать его жертвой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	5
	33

Наталья Александрова

Охота на гиену

Ранее эта книга выходила под названием «Красная роза печали»

Сторож садоводческого кооператива «Одуванчик» Михаил Петрович Кузовкин вздохнул спокойно. Жена Антонина наконец-то уехала в город. У нее там дети, внуки, пускай занимается. А он тут живет с собакой. Женился он на Антонине пять лет назад, когда умерла его старуха. Дом свой в большом железнодорожном поселке оставил сыну, а сам переехал в город, в ее квартиру. Но не жилось ему там, делать нечего было. Поэтому и занялся дачей, у Антонины от первого мужа остался участок и домик щитовой. Потом соседний участок они прикупили, получилось двенадцать соток, он и завел огород большой, сад. А на зиму стал наниматься в кооператив сторожем. Антонина сначала ворчала, а потом поняла, что так всем лучше. Теперь приезжает через три дня, продукты привозит и его обихаживает. Собаку из города привезла. Там для внука купили щенка породистого, а потом надоел он им, гадит много. Вот и привезли сюда, назвали Гарри. Сейчас вырос большой, только дурной, всех любит. Сторож, конечно, никакой, так только, гавкнуть может. А он, Михаил Петрович, с ворами бороться и не собирается. Прежний председатель Федор Тимофеевич так и понимал.

«Дядя Миша, – говорил, – не лезь на рожон. Твое дело в милицию позвонить и хозяевам сообщить, что дом у них вскрыли. А самому с бомжами драться – это ни к чему, голову надо беречь. И пусть те, кто много добра на даче оставляют, решетки ставят».

Хороший был председатель, что и говорить. Да и работник, каких поискать! Бывало, летом в шесть утра уже встанет, все польет и за работу. И чего они с женой не поделили? Правда, жена его, Сталина Викентьевна, та еще стерва. Уж так она доводила Федора Тимофеевича, и не описать. Долго мужик терпел, потом лопнуло терпение, подал на развод. Стали имущество делить. Эта зараза уперлась, добром ни в какую не хочет, да у нее еще дети от первого брака. Дочка-то ни на что не претендует, а сынок тоже сволочь, похлеще мамыши. По судам таскались, раз семь уже суд был, один раз даже его хотел Федор Тимофеевич свидетелем выставить, да Антонина не позволила, может, и правильно. Квартира четырехкомнатная у них общая, а дача-то ведь вообще на Федора записана! Так нет, до чего достала эта Сталина мужика, что плюнул он на все, все здесь бросил и только на машине от этой заразы и уехал. Приходил прощаться, не могу, говорит, больше, дядя Миша, с ней лаяться, я, говорит, либо ее порешу, либо сам повешусь. Так и уехал, купил дом в Новгородской области, живет там один в тишине с собакой, в город и глаз не кажет. Вот какая стерва попалась! Антонина перед ней чистое золото, хоть и поворчать, и попилить мужа любит.

А эта Сталина уже с новым председателем поругаться успела. Чего-то он ей там обещался привезти, но не довез. А сама дура дурой, участок запустила. Бегает, суетится, а толку никакого. Орут только друг на друга мать с сыночком на все садоводство. Дочка, Каринка-то, на дачу не ездит. Прошлой весной стали парник ставить, купила Сталина какой-то новый, весь сборно-разборный. Ну собрали кое-как, посадили там все и уехали. А закрепили-то плохо. На следующий день ветер поднялся, парник весь и улетел, да на участок Михаила Петровича прямо на его Антонину и опустился! Та как заорет, а он сам чуть со смеху не помер. Тут соседи набежали, Антонину вытащили целую и невредимую, а парник он сам пошел и на место привязал. Через неделю Сталина приехала, так еще ругаться прибежала, грядки ей, видите ли, потоптали. Спасибо бы сказала, дурында!

Михаил Петрович прислушался к далекому шуму электрички. Все, уехала Антонина. Он ее до самой станции провожать не стал, потому что собака Гарька очень переживает, когда она уезжает, может и под колеса, и в электричку за ней кинуться. Антонина хоть и пила ржавая, но Гарьку тоже очень любит, и костей ему всегда привозит, и вообще питания всякого. А недавно сообразила тоже, привезла этот «Педигрипал», что по телевизору показывают. Конечно, Гарька это барахло есть не стал. Но не пропало добро, они с соседом Витькой его с пивом съели. Ничего пошел, соленький такой.

Вот у Витьки тоже своя беда: мать совсем рехнулась, козу завела. Летом-то еще ничего, хотя всех домашних его эта коза распугала, бодливая очень. А теперь уже холодно, все с дачи уехали, а мать все эту козу пасет, да еще с козленком. И куда ее девать теперь, козу эту? Резать мать не дает, да и мясо у козы невкусное, а в город ведь с собой тоже не возьмешь. Мать собирается здесь зимовать с козой, а Витька должен каждую неделю сюда приезжать, продукты привозить! А у него работа, да и сам не молоденький, под шестьдесят уже. Но разве старухе в восемьдесят шесть лет что-нибудь докажешь! Хочу козу – и все тут! Приходил Витька, просил слезно: дядя Миша, прирежь хоть козленка, а мясо пусть Гарька съест. Он отказался, много живности у него бывало, когда в поселке жили, и корову держали со старухой долго, но резать животных он никогда не мог, всегда мужика звали из соседнего села, тот мастер был. Так что ушел Витька ни с чем. А тут новое дело: козе срочно козел понадобился! Иначе молока не даст, а без молока уж козу держать – это совсем дураками надо быть. Разузнал Витька, козел есть в Борщевке, а до нее три километра. Это если по тропинке через лес, а если по шоссе, то и все пять будет. Вот и думай: то ли козу в Борщевку везти, то ли козла к нам, то ли пешком козу вести и свидание с козлом посреди леса назначать. Да еще козлу платить надо, то есть – тьфу! – хозяину, конечно. Но Витька всю жизнь у мамы под каблуком, мамаша, конечно, грозная бабка. Витька сам дежурит на складе в таможене сутки через трое с собакой. Собака у него не чета Гарьке, кавказская овчарка, так и она Андроновну, Витькину мать, боится. Витька собаку летом в городе держит. Ох уж эти бабы!

Размышляя так, Михаил Петрович разделся, снял сапоги в сенях, повесил сушиться ватник у печки, вымыл руки и поставил чайник на плитку. Затем он достал из банки соленых огурчиков, снял с плиты теплый чугунок с картошкой, вынул из холодильника шмат привезенного Антониной сала, нарезал несколько тонких ломтиков. Потом он достал тщательно спрятанную от Антонины бутылку «Смирновской». Мужик с дальнего конца садоводства попросил врезать какой-то хитроумный замок и расплатился поллитровкой. Антонина не возражала, когда он подряжался на мелкие работы, но велела брать деньгами. А зачем ему здесь деньги? А так жизнь веселее. Гарька завозился в сенях, царапнул дверь. Ладно уж, заходи в тепло!

Михаил Петрович сел за стол, аккуратно отмерил одну треть водки в стакан, остальное завинтил пробкой и убрал в тайное место. Он не какой-нибудь пьяница, чтобы в одиночку надираться, он свою норму знает. Бутылки ему как раз на три дня хватит, а там Антонина приедет, все равно выпить не даст.

Отрезав большой ломоть хлеба и натерев его чесноком, Михаил Петрович поднял стакан... и в это время раздался топот, треск сучьев, хлопнула дверь, и на пороге возникла Антонина собственной персоной. Вид ее был ужасен. Головной платок сбился на сторону, из-под него торчали спутанные космы. Куртка расстегнута, юбка заляпана грязью, видно, падала, и не раз. В руках у нее ничего не было, наверное, потеряла сумки по дороге, или отобрали.

При виде жены в душе Михаила Петровича смешались два чувства: горечь оттого, что не успел выпить, и радость оттого, что спрятал остальную водку. Антонина вошла в кухню и рухнула на табурет. Она пыталась что-то сказать, но только открывала рот, как рыба, и задыхалась.

– Миша, – выдохнула наконец Антонина, – Миша, дай воды!

Михаил Петрович перепугался, второпях вместо стакана с водой схватил стакан с водкой и влил Антонине почти половину. Жена глотнула, закашлялась, Михаил Петрович обмер,

поняв свою ошибку, но Антонина пришла в себя, порозовела, жадно выпила оставшуюся водку, глянула осмысленно, потом подошла к столу и закусила огурцом.

– Что случилось? – пролепетал Михаил Петрович.

– Ох, Миша, там на дороге кто-то лежит мертвый. – Антонина говорила почти спокойно, видно, водка подействовала.

– Да что ты несешь? Ты почему не уехала?

– Я же тебе говорю, я иду, а на дороге почти возле полотна кто-то лежит. Я сослепу-то думала, что это тюк какой-то, наклоняюсь, а тут встречная электричка прошла, я при свете и увидела, что это человек мертвый. Мужчина или женщина, я не заметила, а только мертвое оно. И народу кругом никого. Я так испугалась, сумки бросила и назад бежать, думала, тебя догоню.

– А чего ж ты не кричала?

– Да я кричала, а потом запыхалась, еле добежала, думала, упаду там на месте от страха.

– Ну вот что, – Михаил Петрович стал собираться, – надо пойти посмотреть, может, живой там кто.

– Да что ты, Миша, мертвый. Как есть мертвый, глаза остекленели. Да я в жизни туда близко не подойду.

– Ты скажи подробно, где это, я сам найду.

– Нет уж, я тут одна тоже не останусь, сейчас переоденусь только, и пойдем.

Михаил Петрович достал охотничье ружье, дал Антонине фонарик, позвал Гарьку, и они пошли. Темень была жуткая, да еще и дождь пошел. В темноте шли долго, Антонина все время отставала. У железнодорожного полотна Михаил Петрович взял Гарьку на поводок.

– Вот тут где-то, Миша.

Фонарик осветил кучу мокрой одежды, явно женской. Тело лежало на спине, остекленевшие глаза смотрели в небо. Михаил Петрович наклонился, взгляделся и ахнул:

– Мать честная, да это же Сталина Викентьевна!

Антонина подошла ближе, посмотрела спокойно, даже не ойкнула, а еще говорят, что водка вредная, вон баба как держится!

– Точно, она, Сталина. Она же на дневную электричку шла, опоздала, видно. Что же с ней случилось, с сердцем, что ли, плохо стало? Посвети-ка еще!

В груди женщины торчал нож. Сверху на нож был надет клочок бумаги, а на животе лежала темно-красная роза, и капельки дождя блестели на ней, как бриллианты.

Гарька вырвался из рук Антонины, отбежал подальше и заскулил. Клочок бумаги оказался запиской, где жирным черным фломастером было написано: «С днем рождения!». Михаил Петрович вздрогнул. Антонина почему-то перекрестилась.

– Все, уходим отсюда. Гарька, ко мне!

Гарька дал себя поймать и все жался к ногам.

– Куда мы теперь, Миша?

– Я в контору пойду звонить, а ты иди к Андроновне, Витькиной мамаше, там подожди, и Гарьку возьми.

В конторе Михаил Петрович сначала долго дозванивался до милиции, потом долго препирался по телефону с женой председателя, которая не хотела мужа будить, хотя всего-то было одиннадцать часов вечера, наконец подошел председатель, мигом проснулся от страшной новости, сказал, что приедет утром; а в милиции велели ничего не трогать и ждать машину.

Михаил Петрович нашел в сарае старую автомобильную шину, принес на место преступления и поджег, чтобы милиция видела, а тело накрыл полиэтиленовой пленкой. Потом он зашел к соседке. Антонину развезло в тепле, и она клевала носом на диване. Андроновна же, напротив, была оживлена, полна энергии и даже собиралась пойти посмотреть. Михаил Петрович еле удержал ее, милицией пугнул. Они с Антониной пошли к себе, только он присел,

раздался сигнал милицейской машины. Приехали трое – один знакомый милиционер Алексей Иванович и с ним двое молодых парней.

Михаил Петрович подсел в машину и так до рассвета и ездил, показывал и отвечал на вопросы. Часа в два ночи приехала труповозка, Сталину увезли. Мокрые менты курили в машине и дружно матерились. Тут кстати подросла Антонина и пригласила всех перекусить. Все с энтузиазмом согласились, Михаил Петрович одобрительно посмотрел на жену, но впереди его ожидали сюрпризы. Войдя в натопленную, чисто выметенную кухню, он увидел накрытый стол, а посреди стола красовалась его недопитая бутылка «Смирновской». Ну и баба!

Когда выпили и поели, Алексей Иванович приступил к расспросам.

– А что, хозяйева, скажите-ка мне, что эта Сталина, какая была по характеру, может, ссорилась с кем?

Михаил Петрович не успел вмешаться, как Антонина, набрав побольше воздуха, всплеснула руками:

– Да вы спросите, с кем она не ссорилась! Да из нашего угла она, считай, со всеми соседями переругалась. С Андроновной из-за козы, с нами из-за собаки, Гарька как-то к ней на участок забежал, цветок сломал, у Савушкиных, соседей слева, два кота, так она говорит, что у нее кабачки не растут, потому что коты приходят специально в лунки гадить, якобы соседи их так приучают. А справа у нее зеленая зона, а через зону соседка Зинаида Павловна парник поставила и на полметра на эту зеленую зону заступила, так у них со Сталиной чуть до драки не дошло. И жаловаться Сталина к председателю бегала, и в управление какое-то писала, и на общем собрании Зинаиду позорила. Та уперлась, говорит: «Что, мол, мне теперь парник, что ли, перестраивать?» А она, Зинаида-то, одинокая, она за эту теплицу мужикам платила деньги большие, так теперь ей что же, обратно платить? Уже председатель махнул рукой, что ж теперь, стреляться из-за полметра, а Сталина все не угомонится. Я, говорит, жизнь положу, но ты свой парник переставишь! Ой! – Антонина наконец сообразила замолчать.

Алексей Иванович подумал, закурил сигарету, спросил пепельницу.

– А с прежним председателем, мужем своим бывшим, как Сталина Викентьевна, разобралась?

– А вы будто не знаете, Алексей Иванович, что никак они не разобрались, будто не вас они вызывали участок делить и не вы им колышки вбивали. Только и колышки не помогли, все равно она его с дачи выжила, уехал он в Новгородскую область, дом купил и зиму там жить собирается.

– А сюда он в последнее время не навещался?

Михаил Петрович помрачнел, понял, куда милиционер клонит, но Антонина опять не дала ему ответить:

– Ой, да он сюда последний раз в июле приезжал, когда Сталины не было. Михаила в гости приглашал, там у меня, говорит, озеро большое, рыбалка очень хорошая. А Сталина потом шухер подняла. Кричит – обокрали! – а это Федор Тимофеевич кровати взял старые железные да плиту газовую.

Молодые парни оживились:

– Так у вас, стало быть, и адрес его имеется?

– Есть, а как же, сейчас принесу.

Михаил Петрович только скрипнул зубами. Антонина принесла бумажку с адресом, потом фыркнула:

– Ой, Миша, а помнишь, Федор Тимофеевич рассказывал, как она к нему в деревню приперлась? Где уж она адрес достала, видит Бог, не у нас, я бы ей ни за что не дала, только приперлась она и стала калитку открывать. А он как раз в огороде копался, говорит, как увидел ее, так и обалдел, думал, мерещится все. А у него собака непривязанная по двору бегала. Собака видит – баба незнакомая прется, она и давай лаять, и даже плащ у Сталины немножко порвала.

А Федор-то стоит столбом и даже собаке крикнуть не может. Так Сталина рассвирепела, побежала в сельсовет жаловаться, что Федор на нее собаку натравил и в морду дал, и чтобы ей в сельсовете по этому поводу справку предоставили. Ну там, в сельсовете, народ простой, ее быстро подальше послали, так и уехала ни с чем.

Наконец милиция собралась уходить.

Михаил Петрович проводил их до калитки и вернулся в дом, кипя от злости.

– Ну ты, балаболка, ты за что же это хорошего человека под монастырь подвела!

Антонина посмотрела на него совершенно спокойно.

– Что ты, Миша, это ему нисколько не повредит, а только поможет. Вот ты сам посуди, начнет милиция разбираться, людей расспрашивать, все сразу скажут, что она с мужем развелась и имущество делила, опять же суды эти. И первым делом на Федора подумают. А если рассказать побольше, как она ну буквально со всеми ссорилась, и по пустякам даже, как все ее ненавидели, а не только один Федор, так и пусть себе милиция расследует и каждого проверяет.

– Ну это уж ты хватил! Думаешь, милиция, да и вообще кто-нибудь поверит, что Зинаида Павловна ее прирезала из-за парника или Савушкины из-за котов?

– Нет, конечно, нет. Но пока разбираться будут, время пройдет, что-то еще может выясниться, и Федор как-нибудь отобьется.

– А как ты думаешь, Антонина, может, это он все-таки? Ну довела она его!

Антонина посмотрела твердо:

– И думать не смей! Чтобы такой человек приличный на мокрое дело пошел? Никогда не поверю! И вообще, Миша, ложись-ка ты, поспи хоть немного, а то с утра председатель приедет да родственники Сталинины, отдохнуть тебе не дадут.

Михаил Петрович долго лежал без сна. Пожалуй, права Антонина, ишь как толково все объяснила. А ведь он никогда не замечал у нее умения логически мыслить. Водка, что ли, влияет на ее умственные способности?

– Все, педсовет закончен, а вы, Алла Константиновна, останьтесь.

Завуч Алла Константиновна подавила вздох и украдкой взглянула на часы. Господи, сколько можно, восьмой час уже! Дома дети не ухожены, муж с работы вернулся, сидит голодный, сам ни за что не разогреет, опять будет скандал. И тетрадей на завтра проверять целую кучу, сумка неподъемная. И что еще тут разговаривать, четыре часа заседали, ведь все уже обсудили. Но она знала, о чем директриса будет с ней говорить, и настроение ее испортилось еще больше.

И, разумеется, предчувствия ее не обманули. Они прошли в директорский кабинет, директор Тамара Алексеевна села за свой абсолютно чистый полированный стол. Алла хотела было опуститься в мягкое кресло, не зря ведь эту мебель покупали, но директриса сухо кивнула ей на стул с жесткой спинкой.

– Алла Константиновна, что у вас с Мамаевым?

Спокойный тон директрисы ничуть не обманул Аллу, она приготовилась к долгой изнуряющей битве.

– Тамара Алексеевна, Мамаев груб, патологически ленив, очень агрессивен и абсолютно неуправляем. Мало того, что он не успевает по всем предметам, он еще мешает учителям вести уроки и тянет за собой весь класс.

– Однако почему-то только вы в этой четверти поставили ему два, а остальные учителя считают, что по их предметам у него твердое три.

«А по моему предмету у него всегда будет твердое два! – подумала Алла. – А остальные учителя тоже поставили бы ему двойки, только боятся директора. И конечно, я тоже выставлю ему тройку, потому что бороться с тобой у меня больше нет сил».

Тем не менее она решилась на последний шаг.

– Тамара Алексеевна, Мамаева надо убирать из школы, иначе мы потом не сумеем справиться с классом.

– Что? После того, как его родители столько сделали для школы?

Как мило, она даже не скрывает, что принимает детей за деньги!

– Тамара Алексеевна, у вас устарелые понятия о жизни, спонсорская помощь сейчас вполне официальная вещь.

– Я не против спонсорской помощи, я против того, что в сочинение по «Евгению Онегину» дети вставляют матерные слова, а про Печорина и Грушницкого пишут, что после того, как они забили стрелочку у обрыва, у них произошла разборка, после чего Печорин Грушницкого замочил. Не убил на дуэли, не лишил жизни, а коротко и ясно: замочил! А ведь Мамаев только так и выражается, а остальные за ним тянутся. Ведь он Диму Козырева побил за то, что тот ему списывать не давал.

– А Козырев у меня в кабинете сказал, что сам упал.

– Еще бы он другое сказал, этого Мамаева все боятся! Тамара Алексеевна, я вам серьезно говорю: у нас экспериментальная школа, мы добиваемся статуса гимназии, мы же на олимпиады должны выходить, на конкурсы, мы должны детей принимать по способностям, а не по спонсорской помощи!

– А кто нам тогда компьютерный класс организует? Ведь за компьютерами будущее. Дети должны заниматься этим по-новому.

– А литературой дети должны заниматься по-прежнему! Ведь уходят, после девятого класса многие уходят в серьезные школы...

Тут Алла заметила, что директриса смотрит на нее абсолютно пустыми глазами, и замолчала.

– Вот что, Алла Константиновна, вы – заведующий учебной частью, вот и учите детей, организуйте правильный педпроцесс.

Педпроцесс, да что ты вообще понимаешь в педагогике? Образование у тебя высшее техническое, металлург ты по профессии, а дети-то тут при чем? По специальности работать не захотела, пришла в школу домоводство преподавать. Работала себе помаленьку, потом директор на пенсию вышел, стали думать, кого назначить? У всех семья, дети, никто не захотел дополнительный хомут на шею вешать, а у Тамары Алексеевны ни мужа, ни детей, может себя полностью посвятить школе. Вот в РОНО и утвердили. Это ж кому рассказать – директор школы преподает домоводство!

И ладно бы учила девочек, как дом вести, семейный бюджет планировать, мужу обед приготовить, ребенку носочки связать. Так нет, то у нее макраме, то фриволите, то вышивание гладью. А то еще квилт какой-то выдумала, одеяла из лоскутков шить. Для показухи, конечно, красивое покрывало сделали, в учительской висит. Так сколько трудились бедные девчонки! С уроков их директриса снимала, у нее, у Аллы, часов шесть отобрала русского и литературы.

А еще про педпроцесс рассуждает, да она из педагогики только одну фамилию знает – Макаренко, в детстве книжку прочитала, «Флаги на башнях». А Януш Корчак – это у нее герой замечательного сериала времен ее юности – «Четыре танкиста и собака», а Песталоцци – это такие итальянские макароны...

Алла встала.

– Простите, Тамара Алексеевна, мне пора домой, дети ждут.

Она без разрешения направилась к двери.

– Алла Константиновна! – В директорском голосе послышалось шипение кобры перед прыжком. – Я не давала вам разрешения уходить. И давайте договоримся раз и навсегда: личное не должно мешать работе. И запомните: ни мне лично, ни школе нашей не нужен безответственный преподаватель, который способен бросить детей, прервать урок и помчаться в неизвестном направлении, никому ничего не сообщив!

Сволочь какая! Это она напоминает про тот случай, когда Алле позвонили из больницы. Младший сын сломал руку, и Алла, потеряв голову, помчалась туда на такси. Но неправда, что она никого не предупредила, у географички было окно, она и посидела с брошенным классом. Господи, ну как можно объяснить это женщине, не имеющей детей, она никогда не поймет.

– Алла Константиновна, к завтрашнему дню вы должны решить насчет Мамаева.

Алла не ответила. В дверях она столкнулась с нянечкой тетей Полей.

– Тамара Алексеевна, вы долго еще?

– Посижу пока.

Тетя Поля шла с Аллой вниз, чтобы открыть двери и ворчала:

– Вот сидит и сидит, никуда не торопится и приходит раньше всех, а что людям домой надо, так ей наплевать...

Уже в дверях Алла спохватилась:

– Ой, тетя Полечка. Я же забыла совсем. У нее завтра день рождения, там в кладовке розы, двадцать пять штук, в тазу лежат. Вы завтра пораньше придете, так уж поставьте ей в кабинет, а то неудобно, люди покупали, да и обида будет, если не поздравим.

– Ладно, ладно, все сделаю, не забуду.

– Вот спасибо, до завтра. – И Алла побежала к трамвайной остановке.

Тетя Поля пошла проверить розы, убедилась, что все в порядке, воды достаточно, и отправилась на свое место у раздевалки, по дороге поглядев на часы.

– Ох, девятый час уже, пойду-ка, потороплю ее, а то на «Санта-Барбару» не успею.

Однако когда она подошла к кабинету, то увидела, что дверь заперта и свет не горит.

– Надо же, ушла уже, у нее ведь от входной двери ключ свой. Наверное, пока я в кладовке была, она и проскочила. А я тут сижу, ее жду.

Тетя Поля быстро оделась, аккуратно заперла все двери, обошла здание школы, занесла ключи в квартиру завхозу и бойко пошлепала по лужам к дому.

Алла открыла дверь своим ключом. Так и есть: муж в комнате дуется. А у мальчишек визжит компьютер, опять играют вместо домашнего задания.

– Ребята, я пришла.

Муж рывком соскочил с дивана.

– А попозже ты не могла прийти? Знаешь ведь, какая у меня сейчас работа, чуть живой прихожу, а тебя вечно нет.

– Но, Олег, у нас педсовет был, а потом Тамара меня задержала.

– И опять мордой об стол возила? Ну что молчишь, я же знаю, что это так, по тебе видно. Слушай, тебе что, удовольствие доставляет, когда об тебя ноги вытирают?

– Олежек, я не могу без школы.

– А я не могу больше так жить! В общем, выбирай: либо я, либо школа.

Алла молча ушла в ванную. Конечно, он это не всерьез, он ее любит, и детей тоже. А сейчас просто голодный и устал, чего не скажет в сердцах голодный мужчина? Однако раньше он никогда так не говорил, даже когда очень ссорились. А если он действительно поставит ее перед выбором, что делать?

– Господи, за что мне все это? – Алла прижалась лбом к зеркалу и горько заплакала.

Наутро тетя Поля постучалась в квартиру завхоза в полвосьмого утра.

– Ты чего это так рано, тетя Поля?

– А забыл? Сегодня же у нашей день рождения. Надо розы в кабинет загодя поставить.

– Ну иди, я тоже сейчас подойду.

Взяв охапку роз, тетя Поля поднялась по лестнице, открыла директорский кабинет, поставила цветы в большую хрустальную вазу и оглянулась в поисках графина с водой. Однако

на обычном месте, на тумбочке, графина не оказалось. Тетя Поля поискала глазами и вдруг похолодела.

Из-за письменного стола торчали ноги в знакомых туфлях. Ноги самой тети Поли стали ватными, но она все же подошла поближе. Между письменным столом и книжным шкафом лежала директриса Тамара Алексеевна, глядя в потолок остекленевшими глазами. В груди у нее торчал нож, к ножу был приколот клочок бумаги, а на животе лежала темно-красная роза, и капельки воды из разбившегося графина блестели на ней, как бриллианты.

– Тетя Поля, ты здесь? – Это завхоз шел с пылесосом.

Тетя Поля, стараясь не поворачиваться спиной, выползла из кабинета. Увидев ее лицо, завхоз выронил пылесос.

– Семеныч, Тамара-то наша – того, каюк. – Тетя Поля выразительно махнула рукой.

– Чего? Может, жива еще? Пойдем, поглядим.

Выпихивая друг друга вперед, они вошли в кабинет и наклонились на телом. Клочок бумаги оказался запиской, где жирным черным фломастером было нацарапано: «С днем рождения!».

Завхоз вздрогнул, тетя Поля почему-то перекрестилась.

– Семеныч, не трогай тут ничего.

– Сам знаю, не маленький. Звонить надо в милицию и в «скорую».

– Какая уж тут «скорая»?

С директорского телефона они позвонить не решились, пошли в учительскую. В милиции велели «скорую» все же вызвать, а кабинет закрыть и никого не пускать.

Медики приехали раньше, врач констатировал смерть и уехал. К этому времени подошли учителя и некоторые из учеников, самые дисциплинированные. Тетя Поля перехватила Аллу Константиновну в раздевалке и вкратце сообщила ей о событиях. Алла сначала вскрикнула, побледнела, но потом взяла себя в руки. Приехала милиция и выгнала всех из коридора второго этажа, где находился директорский кабинет. Посовещавшись с завучем младших классов, Алла решила старших учеников распустить, а маленьких отправить на экскурсию. С завтрашним днем проблемы не было, потому что сегодня была пятница, а по субботам учатся только старшие классы.

Милицейская бригада в составе трех человек развернулась вовсю. Врач осматривал тело, эксперт колдовал над замком и разбитым графином на предмет отпечатков, опер снимал показания с работников школы.

Начал он с тети Поли и завхоза Ивана Семеновича, но начал неудачно, тетю Полю назвал бабулей, чего делать было нельзя ни в коем случае, ибо тетя Поля, имевшая не только внуков, но и одного правнука, старухой себя не считала и на «бабулю» очень обиделась. Поэтому она замкнулась в гордом молчании, и, кроме фразы «Я вошла, а она лежит», опер ничего не добился.

Иван Семенович тоже был немногословен. Тетя Поля принесла ему ключ в полдевятого, он поужинал под «Санта-Барбару», после десяти вышел на улицу, осмотрел все двери снаружи, замки были в порядке, а на окнах первого этажа у них решетки, так что на них смотреть. Потом в одиннадцать завхоз посмотрел «Вести» и лег спать, и спал до полвосьмого утра и никакого шума ночью не слышал.

Вызвали Аллу Константиновну, как последнего человека, не считая тети Поли, который видел директрису живой. Опер задал ей кучу вопросов: а не была ли потерпевшая в тот вечер чем-то расстроенной, а не ждала ли она кого-нибудь, когда осталась вечером одна, и множество других. Алла на все вопросы честно отвечала «нет».

Приехала специальная машина, директрису увезли. Потом собрались и милиционеры, эксперт забрал с собой и нож, и розу, и осколки графина. Кабинет директора велели закрыть и ничего там не трогать, маленький директрисин сейф опечатали. Распростившись с милицией,

Алла заглянула в раздевалку в тети-Полин закуток. Тетя Поля с завхозом Иваном Семеновичем пили чай. На тарелке лежали пирожки с капустой и печенье.

– Садитесь с нами, Алла Константиновна.

– Ох, не знаю, мутит что-то, кусок в горло не идет. И как вы все так спокойно воспринимаете?

– Что ж теперь, ни пить, ни есть? Организм свое требует, и к тому же, – тетя Поля понизила голос, – ты скажи честно: неужели так сильно расстроилась?

Алла прислушалась к себе и с некоторым стыдом поняла, что совершенно не расстроилась.

Сотрудник отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями городского УВД Сергей Гусев пришел домой под вечер. Поднимаясь по лестнице – лифт не работал, – он вспомнил, что дома у него теперь никого, а он забыл купить хлеба, и с остальными продуктами у него напряженка, так что ужинать нечем. Он посмотрел на часы: вполне приличное время, полоннадцатого, и позвонил в соседнюю квартиру.

– Кто там? – раздался женский голос.

– Это я, тетя Надя, Сергей. Дверь открылась сразу же.

– Заходи, опять небось голодный...

– Да неудобно, тетя Надя, Сан Саныча беспокоить, мне бы хлеба взаимы.

– Заходи, нет его пока, сегодня до одиннадцати у него лекции. Заходи, поешь хоть один раз в день нормально.

Сергей шагнул в квартиру к соседке, с которой знаком был уже лет пятнадцать, с тех пор как въехала к ним в дом по обмену молодая женщина с девочкой. Мать с тетей Надей подружилась сразу же, наверное, много общего у них было: обе разведенные, остались с детьми. А он на тети-Надину дочку, эту кнопку с косичками, сначала и внимания не обратил, разница у них была в шесть лет, а потом как-то встретил на лестнице шестилетнюю Алену с расквашенным носом, всю зареванную, стало жалко ее ужасно.

Малолетних Алениных обидчиков он нашел и научил уму-разуму, и с тех пор стал Алену опекать. Потом прошло время, он вырос, в армию ушел, и письма ему писали все втроем: мать, Алена и тетя Надя. Когда он вернулся, учиться пошел, новые друзья, девушки, потом женился, и все закрутилось. Алена в это время потихоньку выросла и как-то сразу выскочила замуж, а он даже на свадьбе не был, в командировке несколько месяцев проболтался. Он тогда все время в командировки ездил, чтобы дома не видеть, как мать с женой ссорятся. Мать Нинку сразу невзлюбила. Сначала-то не показывала этого, старалась ладить ради него, а потом пошли у них раздоры. Нинка, конечно, виновата, лишний раз не промолчит.

Мать ему как-то сказала: ты для нее, для Нинки, перевалочный пункт, пока она что-то лучшее не нашла. Это она про то, что Нинка из провинции и за него вышла из-за прописки. Он тогда наорал на мать, до сих пор стыдно, а теперь, выходит, права мать была.

А мать после того скандала как-то поскучилась, все молчит, а потом вдруг собралась отдыхать в деревню, сказала, к подруге школьной. Поехала, да там и осталась жить, оказалась, что не подруга это, а старый друг ее, давно они не виделись, а встретились случайно. Только один раз потом мать приехала, вещи забрала и сказала, что они там в сельсовете расписались. Уже несколько лет так живут, мать в тамошнюю школу устроилась математику преподавать, ее с руками оторвали – еще бы, заслуженная учительница! Теперь по утрам школьный автобус прямо возле их дома останавливается, и директор то дров привезет, то еще чего-нибудь. Очень мать там уважают, а пока она работает, муж по хозяйству управляется.

Недавно мать звонила, наверное, тетя Надя написала про их с Нинкой развод, он, Сергей, ее спрашивает, как, мол, живете, а она сразу: вам бы так жить!

Пока он так раздумывал и мыл руки, Надежда поставила на стол в кухне тарелку с мясом и тушеными овощами, положила салат, отрезала хлеба. Сергей ел, поглядывая по сторонам.

– Что так смотришь, кухню мы отремонтировали и занавески новые.

– А, то-то я смотрю, светлее как-то стало.

Убрав пустую тарелку, она налила ему стакан крепкого чаю с лимоном и отрезала здоровенный кусок домашней ватрушки. Пока он не спеша пил чай, она сидела напротив, собираясь с духом, потом решилась:

– Что, с Нинкой-то вы разъехались?

– Да, она на развод подавать будет.

– А Максимка где?

– Пока у тещи находится, – отвернулся Сергей.

– Видела Нинку тут третьего дня, за вещами она приезжала.

– Одна приезжала? – встрепенулся Сергей.

– А ты будто не знаешь, что не одна. Был с ней какой-то хмырь на иномарке.

– На «тойоте»? Хмырь-то был на «тойоте»?

– А по мне хоть на «мерседесе», я их не различаю!

– Ну ты, тетя Надя, даешь, «тойоту» от «мерседеса» отличить не можешь.

– Да зачем мне это? Ты лучше вот что скажи, у вас там опять аврал, что ты домой через два дня на третий приходишь?

– Да у нас все время аврал, сама знаешь, как сейчас с преступностью.

– Новое дело, что ли?

Сергей замялся.

– Теть Надя, знаешь ведь, что не положено.

– И ты меня знаешь, – рассердилась Надежда, – разве я когда-нибудь трепалась? Расскажи уж, даром, что ли, кормлю тебя.

– Очень ты криминалом интересуешься, лучше бы телевизор смотрела.

– В жизни интереснее. Так что за новое дело?

– Можно сказать, что новое, это кроме всех старых. – Он покрутил головой. – Убили директора школы, прямо в ее кабинете. Утром нянечка вошла в кабинет, а она там лежит ножом зарезанная, и на ней роза красная и записка «С днем рождения!».

– А что, у нее действительно день рождения был?

– Вот именно, как раз в этот день, это кто-то ее так поздравить решил. А кабинет был снаружи заперт, с замком все чисто, никто никого подозрительного не видел, нянька клянется, что из дверей вечером никто не выходил, а на саму няньку думать смешно – это старушка, божий одуванчик.

– Ой, Сережа, тебе ли удивляться. Да в школе можно неделю по пустым классам и коридорам прятаться, никто не найдет. Ты же, можно сказать, вырос в школе!

– Завтра пойду туда на месте разбираться, меня только сегодня на это дело бросили.

Сергей заметил, что Надежда беспокойно ходит по кухне, то посматривает на улицу из-за занавески, то подходит к входной двери.

– Ты что, тетя Надя, беспокоишься? Придет, никуда не денется.

Надежда смутилась.

– Да я так, привыкла Алену высматривать по вечерам, вот и...

Ну, тетя Надя, привыкла она Алену высматривать, да Алена уже пять лет здесь не живет! Стесняется признаться, что ждет не дождется своего Сан Саныча, соскучилась за день.

Сергей вздохнул.

– Эх, меня бы кто так ждал!

– Не горюй, Сережа, какие твои годы, найдешь себе...

– Да, они сейчас все хотят на «тойотах» ездить.

Надежда махнула рукой.

– Да брось ты, жить ведь не с «тойотой», а с человеком.

Она взгляделась в темноту за окном.

– Ой, идет вроде.

– Ну я пойду, спасибо, тетя Надя, за ужин.

– Иди, хлеба вот возьми на завтрак.

Войдя в свою квартиру, Сергей прислушался. Вот шаги на лестнице, дверь соседей открылась, послышался смех и звук поцелуя. Сергей усмехнулся: ну дают старички!

Подойдя к школе, Сергей услышал гвалт, шум, дикий визг и понял: перемена. С одной стороны, это хорошо, учителя не на уроках, всех можно оторвать от дела, а с другой стороны, в такой кутерьме нормально разговаривать невозможно. Он пошел в учительскую, спросил завуча, но Аллы Константиновны в школе не оказалось, ее вызвали в РОНО. Сергей побродил по школе, заглянул в директорский кабинет, его открыла секретарь. Значит, директриса сидела за столом, убийца вошел, и она его спокойно подпустила к себе, он достал нож, убил ее, потом уложил на пол, положил розу, записку и спокойно вышел, погасив свет и заперев дверь. Значит, знакомый ее. А может быть, все было не так. Убийца подождал ее в комнате перед кабинетом, убил, потом перетащил труп в кабинет, оформил красиво, с розой, и ушел. Но тогда женщина должна была быть в пальто. Директор ведь одевается не в общей раздевалке, а у себя в кабинете, такая уж у него привилегия. Сергей заглянул в шкаф. Вон пальто, висит. Родственники еще не забрали, конечно, кабинет-то закрыт был. И сейф опечатан, надо у следователя разрешение брать.

Сергей осмотрел пальто. Ничего особенного, хорошее пальто, дорогое, почти новое. В карманах ничего нет, забрали, верно, все ребята из района. На столе ежедневник, записи разные о встречах, ну тут все равно без завуча не разобраться. Что делать, надо найти бабушку из раздевалки, расспросить ее подробно, и, если повезет, он все сплетни узнает и про детей, и про учителей, и про директора. Справившись у секретаря, как зовут нянечку, Сергей спустился на первый этаж. Перемена кончилась, и в раздевалке наступила блаженная тишина.

– Прасковья Лукинична, вы где?

– Чего кричишь? Тут я, заходи, – из закутка выглянула бойкая сухонькая старушка весьма преклонного возраста.

Сергей представился, предъявил свое удостоверение.

– Да знаю я, что ты из милиции, видно по тебе.

Ого, бабуля-то физиономистка!

– Ну, Прасковья Лукинична, раз от вас ничего не скроешь, то давайте побеседуем откровенно. Женщина вы, я вижу, наблюдательная, умом не обижены, свое мнение у вас имеется, вот и изложите мне все, а я послушаю. – Сергей огляделся и нахально добавил: – Чайку вот могу выпить, если нальете.

Тетя Поля было нахмурилась, но потом налила ему чая в красивую кружку с петухом, подвинула печенье.

– Я уж говорила, вечером накануне завуч просила меня цветы поставить в вазу пораньше.

– А завуч поздно ушла?

– В девятом часу, после педсовета еще задержалась.

– Нормально завуч выглядела, не расстроенная была?

– Вот я тебе скажу, хоть и нехорошо про покойницу, но от нашей директрисы люди в нормальном виде не выходят.

– Что, крута очень была? Разносы учиняла?

– Да нет, никогда не кричала, так все спокойно, тихим голосом, да такое скажет, что человек не в себе.

– И вам попадало?

– Ну, я человек маленький, сижу себе тут, сторожу, станет директор с нянечкой связываться. А вот учителям да детям – ох! Ребята ее так и звали: наша кобра очкастая.

– А чем же учителя-то ей не угодили?

– По-разному. С Аллой у нее на почве учебы разногласия были. Алла хотела детей принимать, кто хорошо учится, обучать их по специальной программе, ну ты у нее сам спросишь. А наша-то все на показуху нажимала, чтобы школа была побогаче, вид чтобы был. Ну и стала детей принимать за деньги, – тетя Поля серьезно посмотрела на Сергея, – спонсорская помощь называется.

Тут был случай буквально на той неделе. Привел папа девочку в седьмой класс, они, видишь, в наш район переехали, и он хотел ее в приличную школу определить. Алла с ним поговорила, оценки у девочки – все «пятерки», она и говорит: берем, мол.

А на следующий день директриса узнала да как давай шипеть на Аллу и на родителей! Уперлась, не возьму, и все, говорит, мест нету, а вы, говорит, к нам не по микрорайону. Скандал был жуткий! Папаша этот-то орал – не имеете, говорит, права! А директриса отвечает, что, мол, она здесь хозяйка, и как сказала, так и будет. Так Алла потом у меня здесь плакала, говорит, что меня она перед всеми шпыняла, это ничего, я привыкла, а перед людьми, говорит, стыдно, что пообещала им.

– Когда, говорите, это было?

– На той неделе, а в какой день... смотри-ка, выходит дня за два до убийства нашей-то!

– Очень интересно. Я потом адресок у Аллы Константиновны выясню на всякий случай.

– Да что ты, на папашу того думаешь? Он, конечно, ругался тут, а потом пар выпустил, дверью хлопнул, да и был таков, нужно ему было связываться!

– Работа у меня такая – все проверять, – вздохнул Сергей.

– А наша-то так и со всеми: химичку, Веру Ивановну, на пенсию отправила, хотя ей еще работать и работать, хорошая была учительница, а в прошлом году вот была история.

Работал у нас математик Владимир Николаевич, давно работал, а потом жена его пришла к нам английский преподавать. И сразу они с директрисой друг друга невзлюбили, то есть наша-то со всеми не очень, а тут попала женщина с характером, лишней раз не промолчит. В общем, в позапрошлом году уволилась математика жена, выжила ее директриса. Нашла она работу хорошую, в английской спецшколе, довольна была, а потом под Новый год познакомилась с одним англичанином, что к ним в школу приезжал. Познакомилась она с ним, значит, и в марте прошлом за него замуж вышла, уехала в Англию и сына с собой забрала.

Ну, конечно, это не один день тянулось, Владимир Николаевич переживал очень, а как уехали они прошлой весной, так он запивать стал. Ну дома-то ладно, а как на уроки стал выпивши приходиться, это уж не дело.

И вот как бы другой человек поступил? Поговорил бы с ним по-хорошему, успокоил, может, мужик продержался бы до конца учебного года, а там бы летом и в себя пришел. Или уж по-тихому уволился бы по собственному желанию. А наша что сделала? Устроила скандал и уволила его без права работать в школе.

– Да, подгадила она мужичку здорово. Так что мог он ей так отомстить, с днем рождения поздравить?

– Что ты, что ты, он тихий был, да и с виду такой, росту маленького, в очках, интеллигент, в общем.

«Ну, однако, надо выяснить, тихий-тихий, а довести человека можно до чего угодно».

Послonyaвшись еще по школе, Сергей ушел, так и не дождавшись завуча. Потом он зашел к матери директрисы Тамары Алексеевны. Пожилая женщина, не скажешь, что старуха, хотя, судя по возрасту дочери, ей за семьдесят. Ничего от нее Сергей не добился, по ее рассказам

Томочка была увлечена работой, всю себя отдавала школе, и на личную жизнь у нее времени не оставалось.

Сергей проснулся от настойчивых звонков в дверь. Не разлепляя глаз, он сунул ноги в тапочки и пошел открывать. На пороге стояла Надежда.

– Ты чего, тетя Надя?

– Здравствуйте, сам же мне вчера записку в дверь сунул, чтобы в полдевятого тебя разбудила.

– И ты в такую рань меня подняла?

– А тебе что – на работу не надо?

– Ой, вспомнил, мне же с тобой надо перемолвиться.

– Ну давай, приходи завтракать.

– Да неудобно, что я с утра пораньше.

– Ничего, я пока одна, успеем поговорить.

– А где Сан Саныч-то?

– А он ночным сторожем в магазине сантехники. «Бахчисарайский фонтан» называется, на Московском. Через две ночи на третью там дежурит. Вот в десять часов магазин откроют, его выпустят, и к одиннадцати я его к завтраку жду.

– Что, совсем с деньгами плохо? Зарплату сколько месяцев не платят?

– Да как сказать, зарплату вроде бы и платят, так разве ж это деньги? Ты заходи.

Сергей прошел в кухню. Надежда жарила омлет с сыром, пахло кофе.

– Ой, тетя Надя, какая кофеварка-то у вас шикарная!

– Ага, «Филипс». Это когда Саша в бытовой технике, в «Золушке», сторожил в прошлом году, ему там на день рождения подарили. Она бракованная, вон видишь, трещина в корпусе и крышка не закрывается, вот ее там уценили и подарили.

Краем глаза Сергей уловил какое-то движение слева, машинально напрягся, что-то большое и рыжее приземлилось к нему на колени, прыгнув с верха пенала.

– Ух ты, здорово, котяра. – Сергей почесал за ухом огромного рыже-полосатого кота с белыми лапами.

– Ох, Бейсик, ты меня до инфаркта доведешь. Представляешь, Сережа, он ленивый стал, с пенала на пол не хочет прыгать, просто сидит там и ждет, пока кто-нибудь за стол не сядет. И тогда он к человеку на колени с размаху плюхается, а весит-то сколько – страшно сказать.

Бейсик прыгнул на пол, подошел к своей миске, проникновенно посмотрел зелеными глазами и немелодично мяукнул.

– Ой, я же его накормить забыла!

Надежда открыла холодильник, весь нижний ящик был забит банками кошачьих консервов: «Вискас», «Кити-кет», еще что-то, у Сергея зарябило в глазах от разноцветных кошачьих морд, и он присвистнул.

– Ничего себе, а говорят – денег нет.

– Да что ты, это когда Саша в «Леопольде» сторожил, он там зарплату специально кошачьими консервами брал. Говорит, мало ли что случится, денег не будет, а у кота всегда запас должен быть.

– Ишь как о коте заботится!

– Что ты, он его больше чем меня любит!

– Ну уж!

– Seriously, я иногда думаю, что он на мне из-за кота женился. Ладно, давай кофе еще налью и говори, что у тебя стряслось.

– Ох, у меня такая петрушка получается! Рассказывал я тебе про директрису убитую?

– Которая с розой на груди?

– Ну да. Так вот, оказывается, еще одну женщину так же убили, только не в городе, а в садоводстве, в Мамино. Это еще раньше было, на прошлой неделе, сначала областная милиция этим делом занималась, а потом у нас такой случай получился. Посмотрели по сводке – там такой же труп, с ножом и с розой, и это дело нам тоже всунули, тем более что убитая не местная, а наша, городская.

Надежда смотрела на него очень серьезно, что-то соображая.

– В Мамино, говоришь? Садоводство «Одуванчик»? Там от нашей работы несколько участков есть. Постой, постой! Это не Сталина ли Викентьевна?

– Да я и хотел с тобой об этом перекинуться, вспомнил вроде, ты в том же институте работаешь.

– А я и не связала, не знала ничего. Сталину позавчера хоронили, сказали, хулиганы убили в Мамино, когда на электричку шла.

– Все так, только не хулиганы, а неизвестный маньяк. У нас ведь как: раз два убийства одинаковые, значит – серия, неизвестный маньяк орудует. Вот слушай, раз уж ты у меня в это дело посвященная. Я сам еще на месте не был, но приезжал сотрудник тамошний Стебельков Алексей Иванович и все мне рассказал. Сейчас осень, народу в садоводстве немного, на буднях вообще никого: сторож да пенсионеров несколько. И чего эту Сталину туда понесло, на работу, что ли, не надо?

– Сережа, ты как маленький. Мне вот сегодня тоже на работу надо, а я не пойду. За такие деньги, что нам платят, мы все себе по очереди выходные устраиваем на неделе. И у Сталины в соседнем отделе так же.

– А начальство как на это смотрит?

– А что оно сделает, начальство-то?

– Да, действительно. Ну вот, сторож в кооперативе мужик толковый, все замечает, он в этот день жену провожал в город. Жена припозднилась, а Сталину они видели, когда та на шестичасовую электричку шла, еще не темно было, а так, сумерки. И не дошла, значит, потому что когда сторожа жена уже на свою электричку шла, она на Сталину мертвую наткнулась прямо у железнодорожного полотна. И все то же самое: нож такой же, роза красная и записка «С днем рождения!».

– Точно, я припоминаю: ей два года назад юбилей отмечали, пятьдесят лет, примерно в это время.

– Н-да, оригинально кто-то тетенок с днем рождения поздравляет. Ну-ка, тетя Надя, расскажи мне об этой Сталине.

– Откровенно говоря, порядочная зараза была. Она в нашем институте лет двадцать пять проработала. Характер у нее всегда был скверный, а в последнее время и совсем испортился. Все неприятности у нее пошли от перестройки. Коммунистов-то развенчали, а она в них свято верила.

– Неужели не притворялась?

– Вот, представь себе. А тут пошли разговоры да разоблачения. И перессорилась со всеми Сталина на политической почве. Ты спрашиваешь, что это она в будний день на дачу поехала? Да ее начальник и на неделю бы отпустил ради спокойствия в отделе. Поэтому, когда она на следующий день на работу не вышла, они и не хватились, сидят, радуются, что еще один день в спокойной обстановке проведут, а тут вот какое дело. Потом сын сообщил. Сын тоже у нас работает, хотел в другое место устроиться, мать ему не позволила. Он какой-то странный, двадцать три года уже, а все маму слушается.

– А в садоводстве говорили, что ругались они часто.

– Ругались, а с кем она не ругалась? Она с мужем давно развелась, дети маленькие были. Осталась с детьми одна. А когда подросли они, то она нового мужа себе нашла. Я его не знала, но рассказывали, что серьезный был человек, хозяйственный. Построил ей дачу своими

руками, квартиру обиходил. Дочка замуж вышла, Сталине зять не понравился. Стали они с зятем ругаться, ушли молодые к тем родителям жить. Стало спокойно, просторно в квартире четырехкомнатной, а Сталина уже в раж вошла, остановиться не может, начала она с мужем ссориться.

– Чего ей от всех надо было?

– Не знаю, такой уж характер. В общем, выжила она мужа, уехал он куда-то в деревню.

– Правильно, и Стебельков из Мамино то же самое говорил.

– Ну потом там опять стали с зятем разборки, а в последнее время все с сыном ссорятся.

У сына девушка, а Сталина против.

– В понедельник пойду к ней домой, с родственниками поговорю, с соседями. На мужа в Новгородскую область запрос уже послал. Вот и с директрисой непонятно. В школе ее не больно-то любили, но из-за этого же не убивают? А дома говорят, что Тамара Алексеевна золотой человек была, всю себя отдавала детям. Прямо хоть в рамочку вставляй!

Надежда встрепенулась:

– Как ты сказал? Тамара Алексеевна? А живет она где?

– На Петроградской.

– Улица Рентгена, дом двадцать восемь?

– Точно, а что?

– Слушай. А я ведь ее, кажется, тоже знала. Тамара Алексеевна Калмыкова?

– Нет, Стаднюк.

– Ну да, это у нее по мужу фамилия.

– Да нет у нее никакого мужа!

– Сейчас нет, а раньше был, это давно было и недолго. Зачем она его фамилию оставила?

Ну ее дело. А я с ее сестрой, с Лерой, в одном классе училась. А Тамара нас старше была лет на пять, она активисткой была, сначала пионерской, потом комсомольской, нас в пионеры принимала.

– И давно ты с сестрами виделась?

– С Тамарой, считай, с окончания школы не встречались, а с Лерой изредка перезваниваемся, она со своей семьей отдельно живет... Ох, погоди, что-то она говорила, у Тамары характер, мол, стал тяжелый, мать держит в строгости. Отец-то у них давно умер, а у матери какой-то давнишний поклонник, так Тамара ему даже не разрешала у них дома бывать. Мать с ним только в скверике может встречаться, и то только когда Тамара не видит.

– А сколько же лет поклоннику?

– Да уж не меньше чем Тамариной матери, а ей семьдесят точно есть. Тамаре сколько было?

– Сейчас посмотрю. Так с какого она года? Вот, получается, что ей исполнилось бы пятьдесят два, как и вашей Сталине.

– Ох, Сережа, не нравятся мне эти совпадения!

Елизавета Васильевна Калмыкова, мать невинно убиенной директрисы школы номер 518 Тамары Алексеевны, присела на диван и задумалась. В соседней комнате звенели посудой. Поминки были долгими и многолюдными, было много народу: из школы, из РОНО, даже из министерства прислали телеграмму. Потом остались одни родственники, сидели долго. Елизавета Васильевна устала – сначала утром отстояли молебен (это она настояла на церковном отпевании), потом – на кладбище, потом – долгие поминки... Семьдесят два года – не шутка! Она откинула еще красивую, тщательно причесанную голову на спинку дивана. Черное с глухим воротом платье очень шло к серебристым волосам. Рядом с ней сидел ее старинный знакомый Константин Эдуардович. Елизавета Васильевна вздохнула и преклонила усталую голову ему на плечо.

– Тебе нехорошо, Лизанька? – сразу же отреагировал он.

– Нет, милый, просто утомилась. Такой тяжелый длинный день!

Он успокаивающе погладил ее по руке. В такой позе их и застала вошедшая в комнату младшая дочь Елизаветы Васильевны Лера. Увидев пожилую пару, она нахмурилась, потом сказала звенящим голосом:

– Константин Эдуардович, муж сейчас на машине всех развозит, может и вас захватить. А я сегодня здесь останусь.

Старик вопросительно посмотрел на Елизавету Васильевну. Она еле заметно кивнула, тогда он поднялся, церемонно поцеловал ей руку, вежливо попрощался с Лерой и пошел к выходу – очень высокий, худой старик, с не по возрасту прямой спиной.

– Мама, мне нужно с тобой поговорить! – сердито окликнула Лера.

– Сейчас! – встрепенулась мать. – Я Константина Эдуардовича провожу. – Она тоже поспешила к выходу.

Двери закрылись, в квартире наступила тишина. На кухне был относительный порядок – вымытая посуда составлена на столе и прикрыта полотенцем, пол подметен. В комнате Тамары длинный стол был еще не разобран, но это успеется и завтра. Елизавета Васильевна вошла в свою комнату и вопросительно взглянула на дочь:

– Так в чем дело?

– Мама, – Лера в волнении ходила по комнате, – я должна тебе сказать, что твое поведение меня изумляет, а многие вообще посчитали его неприличным!

– Вот как? – Елизавета Васильевна подняла брови. – В чем же заключается неприличие моего поведения? Я разгуливаю по улицам, громко ругаясь матом, с бутылкой пива в руке, а потом бросаю пустую бутылку прямо на асфальт? Или, может быть, я сижу в метро, развалившись, и пристаю к женщинам? А может, я не умею пользоваться носовым платком и сморкаюсь себе и другим под ноги?

– Перестань, мама, – в раздражении проговорила Лера, – ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Это твои отношения с Константином Эдуардовичем.

– А что же в них неприличного? – искренне удивилась Елизавета Васильевна.

– Мама, все знают, что Тамара была против вашего знакомства, не говоря уж о более близких отношениях. И вот, как только ее не стало, буквально на следующий день, ты демонстративно его приглашаешь, держишь возле себя. Он тебя обнимает, гладит по плечу, хоть бы на похоронах постеснялись!

– Откуда в тебе столько ханжества? – изумилась Елизавета Васильевна. – Послушай, я очень любила твою сестру. Но теперь, когда ее не стало, Константин Эдуардович будет жить здесь.

– Мама, не поздно ли заводить милого дружка?

– Он мне не знакомый и не друг, – твердо ответила мать, – он мне любимый человек. Твоего отца нет в живых пятнадцать лет, его памяти это не потревожит.

А если родственники шокированы, то мы пойдем в загс и официально поженимся.

– Час от часу не легче! Выйти замуж в семьдесят лет! Это противоестественно. И Тамара тоже так считала.

– А я считаю противоестественным, когда женщина с тридцати лет живет одна и, не имея собственных детей, работает директором школы! – закричала мать. – Я и Тамаре это говорила, но с ней не поспоришь. В первое время я не настаивала, думала, что она как-нибудь свою жизнь устроит. А потом не хотела травмировать Константина Эдуардовича. Ты ведь знаешь, какой у Тамары был характер, она превратила бы нашу жизнь в ад.

– Но зачем тебе селить его здесь?

– Я хочу, чтобы он был рядом. Хочу вечерами пить с ним чай и смотреть телевизор, читать одни и те же книги, гулять в скверике, утром завтракать вместе. Тамара не могла этого понять, но ведь у тебя-то есть семья, почему же ты возмущаешься?

– Не знаю, все не одобряют, – растерялась Лера.

– Какое нам дело до всех! – Мать обняла ее и заглянула в глаза: – Дочка, мне семьдесят два года, может быть, совсем немного осталось, неужели я не заслужила капельку счастья перед смертью?

– Что ты, не говори так! – испугалась Лера.

– Значит, решено, на той неделе он сюда переезжает.

– Ну подожди хотя бы сорок дней!

– Что ты, в нашем возрасте мы не можем так долго ждать!

Сергей позвонил, подождал. Дверь не открывали, но изнутри доносился шум текущей квартирной жизнедеятельности. Сергей звонил еще и еще. Наконец послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и Сергей увидел невысокого худенького мужчину в тренировочном костюме и кокетливом розовом передничке в рюшечках. Вытирая мокрые руки о передник жестом усталой домохозяйки, мужчина извинялся:

– А я не слышу звонка, я там постирушку завел, вода льется. А вы, наверное, к Валентине Сергеевне, так ее нету еще.

– Я капитан Гусев из УВД, и похоже, что именно к вам. Хотел с вами поговорить об убитом директоре школы номер пятьсот восемнадцать Стаднюк Тамаре Алексеевне.

– Убитой? – В голосе мужчины прозвучало неподдельное изумление. – Ее убили?

– Да, пять дней назад, вечером в школе. Вы – Никифоров Юрий Иванович?

– Да, конечно, – Юрий Иванович отвел глаза, – а почему вы ко мне пришли, я ведь с ней почти не был знаком...

– Но у вас был с ней конфликт?

Юрий Иванович беспокойно оглянулся:

– Извините, я только газ сейчас под супом подкручу, а то выкипит...

Он прошел на кухню и вернулся удовлетворенный.

– Да, так вы насчет Тамары Алексеевны... Понимаете, моя жена, Валентина Сергеевна, – женщина очень занятая, так что детьми больше я занимаюсь... а дети у нас очень способные. Мариночка наша на четырех олимпиадах первые места заняла, в своей школе была лучшей ученицей. А тут мы обменялись, очень удачный обмен подвернулся, почти без доплаты – мы со знакомыми поменялись, потому что им нужно было обязательно в наш бывший район – у них бабушка посещает школу астральной медитации, а возить ее туда ни у кого времени нет. А теперь она может пешком ходить, там близко... – Юрий Иванович беспокойно принюхался. – Ой, извините, я только жаркое в духовке проверю, а то как бы не пересохло...

Через минуту он вернулся успокоенный.

– Да, так мы о Тамаре Алексеевне... Так вот, как только мы сюда переехали, я сразу навел справки и узнал, что эта школа здесь поблизости самая лучшая. Я туда и пошел. Сначала к завучу обратился, к Алле Константиновне, принес ей наши дипломы, Мариночкины то есть, конфет хороших коробку... Так мы с завучем хорошо поговорили, она меня обнадежила, что Мариночку обязательно возьмут, но тем не менее к директору отправила, без нее, говорит, такие вопросы у нас не решаются. Я опять все дипломы принес, конфет купил еще лучше, прихожу к директору, а она все мои дипломы и конфеты от себя оттолкнула и говорит – не скажу, что грубо, там, или громко, вроде бы даже вполне тихим голосом, но как-то так зло и высокомерно, что уж лучше бы кричала. – Юрий Иванович снова беспокойно оглянулся: – Извините, я только утюг выключу, а то перегорит, – и скрылся на этот раз в комнате.

Через минуту он снова появился умиротворенный:

– Да, так про Тамару Алексеевну. Она мне, значит, и говорит: заберите, говорит, все ваши подношения, они мне совершенно неинтересны. Я растерялся даже и все дипломы ей сую, какая, мол, у нас девочка замечательная. А она снова твердит, что ей это совершенно неинтересно, а вы, говорит, лучше скажите, что вы лично можете сделать для нашей школы. Я так еще не совсем ее понимаю и уточняю: «В каком, извиняюсь, плане?» – «В плане спонсорской помощи. Вот, например, недавно один папа оказал школе спонсорскую помощь в размере двух компьютеров „Пентиум“, а еще одна мама – в размере вот этого гарнитура мягкой мебели, на котором мы с вами сидим». Я говорю, извиняюсь, это вы на нем сидите, а мне дали стул такой жесткий, что долго на нем и не высидеть, геморрой наживешь.

– Так и сказали про геморрой? – полюбопытствовал Сергей.

– Ну, во всяком случае, подумал, – отвел глаза Юрий Иванович. – А она тогда и спрашивает, что где, мол, я работаю? Я отвечаю, что мол, извиняюсь, но я инженером работаю. «Ну что ж, – директриса отвечает, – всякое в жизни бывает. А жена ваша?» – «Жена моя, говорю, очень занятая женщина». – «Это, – Тамара Алексеевна говорит, – хорошо. Это, – говорит, – очень удачно, что она у вас в бизнесе...» – «Да нет, – отвечаю, – она не в этом смысле занятая, она больше по политической части, она крупный активист Партии умеренного прогресса...» – «А вот это, – говорит директриса, – нехорошо. Я, конечно, ничего против вашей жены и лично этой партии не имею, но нашей школе нужны способные дети, то есть такие, родители которых способны что-то полезное сделать конкретно для школы. А в вашей семье я таких способностей не вижу».

Очень меня эти слова ее задели. Обидно, говорю, такое от вас слушать, чего-чего, а уж способностей у нас очень даже достаточно. И не много ли, говорю, просите, я же все-таки, говорю, не в школу для новых русских детей ребенка привел, а в самую простую, у вас, говорю, даже не гимназия.

Тут она зашипела на меня прямо как кобра, чуть ядом не плюется: «Да уж, – говорит, – в школе для новых русских инженерам делать нечего, с вашими-то возможностями».

А мне, говорю, школа для новых русских и даром не нужна, там детей ничему не учат. Мне, говорю, важно ребенку образование дать, но у вас, я чувствую, тоже никого образования, раз вздумали за деньги детей в простую школу принимать. И я, говорю, вопрос этот в РОНО обязательно поставлю.

Как она на меня зарычала, даже очки слетели! Идите, говорит, куда хотите, хоть в РОНО, хоть в министерство, станут там с вами разговаривать! А сейчас попрошу вас из моего кабинета выйти и вообще здание школы покинуть.

Вот вам и весь конфликт. А что я потом в вестибюле выражался, так очень накипело, но я ничего нецензурного не употреблял, вам и гардеробщица подтвердит, я же понимаю – школа все-таки... .

– А где вы были вечером двадцать второго октября? – на всякий случай спросил Сергей.

– Мариночку в бассейн водил, – с готовностью откликнулся Юрий Иванович. – У нас время не очень удобное, с семи до девяти, да потом еще пока она волосы высушит. Я ее там ждал, потому что на улице дождь шел, по магазинам я не ходил.

– Кто-нибудь вас там видел?

– Три мамы и две бабушки, так с ними и просидел два часа, они могут подтвердить.

– Да-а, ну что ж, я пойду.

– Скажите, – Юрий Иванович отвел предательски заблестевшие глаза, – а как ее убили, директрису-то?

– Зарезали ножом в собственном кабинете, – сухо сказал Сергей. – А вы, я так понимаю, не очень по этому поводу расстроились?

– От вас ничего не скроешь! – развел руки Юрий Иванович.

Звонок в дверь раздался неожиданно. Маргарита Ивановна задремала, самого звонка не слышала, а проснулась только от лая Рамзеса. Она взглянула на часы: ровно четыре. Все правильно, это пришла давняя приятельница Зоя лечить зубы.

Маргарита Ивановна работала стоматологом много лет, потом вышла на пенсию, а потом, когда пенсии – и ее, и мужа – не стало хватать, решила немного подработать. Дочка была давно замужем и жила отдельно, и в ее комнате Маргарита Ивановна устроила маленький кабинетик. Она приобрела в своей бывшей поликлинике списанные кресло, бормашину, а материалы и лекарства купила импортные. И потихонечку стала лечить зубы сначала знакомым, потом – знакомым знакомых. Все были очень довольны, потому что брала она недорого, а пломбировавала хорошо, рука у нее всегда была легкая. Не сказать, что у нее отбоя не было от клиентов, теперь ведь столько появилось и поликлиник, и центров всяких, но Маргарита Ивановна считала, и жизнь доказывала ее правоту, что в городе Санкт-Петербурге ни один стоматолог не останется без работы, потому что вода у нас очень плохая, влияет на зубы.

И все шло прекрасно, если бы не дворничиха Евдокия. Прошлой весной к Первому мая Евдокия напросилась мыть окна, за деньги, конечно, не за так. Маргарита Ивановна была после тяжелого гриппа, и не то что окна мыть, а руки поднять не могла. Но так хотелось к празднику чистые окна, что когда муж стал ее уговаривать насчет Евдокии, она согласилась, не подумавши. Евдокия окна вымыла, но заметила кресло и бормашину и распустила слух по всему дому, что у Маргариты Ивановны на дому подпольный кабинет. Дальше пошло еще хуже. Рамзес как-то в темноте на лестничной площадке гавкнул пару раз на Евдокию. Она орала страшно, говорила, что бульдожина ее покусала, хотя вся лестница знает, что Рамзес никогда никого не кусал. Муж ходил извиняться с коробкой шоколада, конфеты Евдокия взяла, немного поутихла. А потом чья-то собака, скорей всего, бездомная, нагадила на площадке первого этажа, а Евдокия пошла рано утром и спросонья вляпалась в кучу. Орала опять до хрипоты, почему-то прицепилась к Рамзесу, хотя вся лестница знает, что Рамзес очень чистоплотная собака и никогда такого себе не позволит. Маргарита Ивановна не выдержала, ответила Евдокии резко, и это было ее ошибкой. Евдокия мгновенно перестала орать, заговорила ележным голосом про налоговую полицию и конфискацию имущества и с тех пор при встрече всегда отпускала туманные намеки на эту тему. Маргарита Ивановна перестала принимать соседей, хотела вообще все прекратить, но муж лежал в больнице, деньги были нужны катастрофически, и Маргарита Ивановна продолжала работать с тяжелым сердцем.

– Тише, Рамзесик, тише. – Зоя вошла с коробкой пирожных.

– Ты что не открываешь, Рита?

– Да я утром у мужа была, потом пришла, пообедала и задремала. Ты проходи.

– Только давай сначала чаю поьем, а то мне потом будет нельзя.

Маргарита Ивановна поставила чайник, они сели за стол, и тут же раздался звонок в дверь.

– Кто там?

– Маргарита Ивановна, возьмите квитанцию по квартплате! – раздался визгливый голос. Евдокия специально стережет, что ли?

Маргарита Ивановна открыла дверь, и Евдокия сразу же вытянула шею в сторону кухни.

– У вас гости?

– Гости, гости, чай пьем.

В это время из кухни выскочил Рамзес, и Евдокия ретировалась.

– Ты что, Рита, такая расстроенная?

– Ох, Зоя, до чего же меня эта Евдокия довела, просто до нервного стресса.

Подумай, ну что плохого, что ко мне два раза в неделю кто-нибудь зайдет, и я пару пломб поставлю? Ну не обеднеет же государство, что я налог не заплачу, а на лето мы вообще на дачу уезжаем.

– Да плюнь ты на нее!

– Противно очень, боюсь ее, как будто что-то нехорошее делаю. Ой, Зоя, не давай ему пирожных, у него расстройство будет! Рамзес, фу! Ну вот, съел уже... Совсем замучилась я с ним, раньше-то муж гулял, а сейчас я одна, времени не хватает, а муж еще приучил его гулять три раза. Так что теперь он днем мои сапоги приносит – пойдём, мол, и все. И намордник надевать со мной никак не хочет, чувствует, что мне его жалко. А Евдокия нарочно нас караулит, как услышит, что Рамзес по лестнице идет, так сразу дверь открывает и смотрит, если он без намордника, то опять крик.

– А что, кроме Рамзеса, собак на лестнице нет?

– Есть маленькие, а на втором этаже бультерьер живет. Хозяин – молодой парень, деньги собирает с ларечников у метро, и бультерьер ему нужен для работы. Евдокия было вякнула, так парень ей как гаркнет, уйди, говорит, по-хорошему, а то руку оторвет. Она испугалась, теперь только к Рамзесу пристает, знает, что он ласковый, лает только.

– А с виду вон какой здоровый.

– Да, он для боксера очень крупный. Ну иди сюда, хороший мой, иди, мой маленький...

Зоя засиделась допоздна, а потом решила заночевать у подруги. Ехать далеко и домой от метро идти страшно. Они вдвоем прогулялись с Рамзесом, по лестнице шли открыто, потому что сумели-таки втиснуть пса в намордник. Из дворничихиной квартиры доносился визгливый крик, это Евдокия скандалила с пьяницей-сыном. После прогулки приятельницы поужинали и хотели лечь пораньше, но кто-то стучал наверху, потом у соседей слева до двенадцати шумел телевизор, и только все угомонились, и Маргарита Ивановна с Зоей начали засыпать, на лестнице раздались звуки гармонии.

– Господи, Рита, что это?

– А это Василий Степаныч с девятого этажа тренируется.

– В два часа ночи?

– А он все время тренируется, просто днем-то ему в квартире разрешают, а ночью все спать хотят, вот жена его и выставляет на лестницу.

– Да что они все – с ума посходили? А ты еще смеешься.

– Да ладно, все равно не спим, давай расскажу. Мы тут давно живем, все на глазах было. Значит, жили они, все, как полагается, жена у Василия, детей трое. Работал он на заводе, пил, конечно, но под забором не валялся. Время идет, старшая дочка выросла и даже институт закончила, серьезная такая девушка получилась. Потом вышла она замуж, живут молодые отдельно, и вдруг, представляешь, встречаю я Василия жену, а она мне и говорит: дочка, говорит, с мужем, внуком и всей той семьей уехали в Израиль! Она такая простая тетка в платочке, и вдруг родственники в Израиле. Ну тут все соседи посмеялись, конечно, а потом забыли – кому теперь какое дело? Это уж давно было, лет семь назад. Ну потом Лида, Василия жена, письма показывала, фотографии, потом приходит ей приглашение и деньги на билет – дочка к себе приглашает погостить маму и младшего братишку. Лида съездила, вернулась довольная, приодели ее там, вещей подарили, зубы даже вставили, и хорошо, кстати сказать, сделали, это я тебе как профессионал говорю, так вот, Лида вся довольная, а Василий Степанович затосковал. Тут как раз подошло время ему на пенсию уходить, он совсем заскучал, в мозгах у него что-то повернулось, и стал он стыдиться, что дочка его замужем за евреем.

– А что ж он ей позволил за еврея выйти-то?

– А он не знал, у них у всех фамилия русская, и в паспорте тоже написано – русский, только бабушка какая-то оказалась Фрида Соломоновна Гринберг, а раньше про нее и не вспоминал никто. В общем, расстроился Василий Степанович и стал всем доказывать, что он русский. Привез из деревни старые галифе, сапоги кирзовые, так и ходит по двору в сапогах, чтобы все видели. А потом гармонь купил, стал на ней русские песни разучивать. Вот теперь играет по ночам.

– А что семья-то его?

– Они на него давно рукой махнули, у них другая дочка замуж вышла, теперь у Лиды внучка маленькая, ей не до того.

– А вы бы на него Евдокию напустили, чтобы он по ночам людям спать не мешал.

– Пробовали, она было сунулась, да только Василий Степанович такие слова знает, что даже у Евдокии уши вянут. Она, конечно, руки не опустила, участковому жаловалась, а толку-то?

– Ну веселенький у вас домик, знала бы, ни за что ночевать у тебя не осталась.

– Тихо все вроде, спать пошел.

Подруги задремали, а в полшестого загремели ведра и послышались удары швабры о перила.

– Господи, а это еще кто?

– А это Евдокия начала трудовую деятельность. Ей, видишь ли, так удобнее лестницу мыть, пока никто не ходит. Пытались мы ее урезонить, так она нарочно стала теперь ведрами греметь.

Маргарита Ивановна прикрыла дверь в коридор, стало потише, и они заснули. Но через час Рамзес разбудил их и срочно потребовал гулять. Все ясно: пирожные.

– Ох, Зоя, говорила же я, что нельзя ему с кремом. Вот теперь надо тащиться.

– Прости, Рита, хочешь, я с тобой пойду?

– Да ладно, что вдвоем-то мучиться. Сейчас мы быстренько сбегает и вернемся.

Зоя с облегченным стоном прикрыла голову подушкой.

На лестнице подсыхал вымытый пол.

– Вот что, Рамзес, давай мы с тобой на лифте поедим, а то наследим, Евдокия нас по твоим лапам вычислит.

Они погрузились в лифт. На первом этаже Рамзес повел себя странно, ни за что не хотел выходить из кабины лифта, чем очень разозлил Маргариту Ивановну.

– Выходи сейчас же, сам меня поднял ни свет ни заря, а еще капризничает.

Она подхватила за ошейник упирающегося пса и проволокла его по ступенькам мимо почтовых ящиков. Перед входной дверью была лужа, рядом валялось перевернутое ведро. Краем глаза Маргарита Ивановна заметила кучу тряпок в темном углу у батареи. Холодея, она подошла ближе, и в тусклом свете сорокаваттной лампочки увидела лежащую мертвую Евдокию, которая глядела в потолок остекленевшими глазами. В том, что Евдокия мертва, Маргарита Ивановна не сомневалась: в свое время, в анатомичке, она навидалась достаточно трупов. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, она прислонилась к стене. Рамзес сел, поднял голову к потолку, собираясь завывать по покойнику и уже взял для пробы ля-бемоль второй октавы, но Маргарита Ивановна дернула его за ошейник.

– Немедленно прекрати, возьми себя в руки!

Рамзес пристыженно опустил голову.

Маргарита Ивановна заставила себя взглянуть еще раз. В груди Евдокии торчал нож, к ножу был приколот клочок бумаги, а ниже ножа, на животе, лежала темно-красная роза, и капельки воды из разлившегося ведра сверкали на ней, как бриллианты. Боясь отпустить Рамзеса, Маргарита Ивановна сделала еще два шага и наклонилась. Клочок бумаги оказался запиской, где жирным черным фломастером было нацарапано: «С днем рождения!».

Рамзес вздрогнул, Маргарита Ивановна почему-то перекрестилась.

Не в силах оторвать взгляд от трупа, Маргарита Ивановна вместе с Рамзесом, который вообще уже перестал что-либо соображать (сначала силой выпихивают из лифта, потом не дают обнюхать ненавистную Евдокию, а потом вдруг тащат назад, хотя знают, что собаке срочно нужно выйти), задним ходом поднялась по ступенькам и позвонила во все четыре квартиры первого этажа.

- Кто там? – Голоса у всех сердитые и сонные.
- Вера, Шура, открывайте, соседка это, Маргарита Ивановна, несчастье у нас.
- Чего надо? – Народ нынче недоверчивый, к чужой беде равнодушный.
- Да открывайте вы, Евдокию убили! – в отчаянии заорала Маргарита Ивановна, а Рамзес

вторил ей басовитым лаем.

То ли люди усовестились, то ли узнали по лаю Рамзеса, но две двери открылись. Вера Антоновна с сыном выскочили на лестницу, в квартире заплакал ребенок, хлопнула форточка. Тетя Шура в бигудях и в ночной рубашке выглядывала из дверей. Сын Веры Антоновны, здоровый парень, бывший афганец, сбегал посмотреть на Евдокию, мать туда не пустил и пошел звонить в милицию. Тетки в это время охали и причитали, пока Рамзес не напомнил Маргарите Ивановне про пирожные. Пришлось его срочно выводить. Когда вернулись с улицы, на площадке собралась толпа соседей. Милиция приехала быстро, отделение тут рядом, за углом. Прибежал из соседнего дома участковый Павел Савельич, застегиваясь на ходу. У Маргариты Ивановны разболелась голова, да и Рамзес очень беспокоился, поэтому она отпросилась у главного милиционера и поднялась к себе. Встревоженная Зоя уже стояла в дверях, а узнав о случившемся, долго сокрушалась, что дала себя уговорить остаться ночевать. Для бодрости решили выпить кофе. Только сели, явился милиционер с участковым снимать показания. От кофе они отказались, держались настороженно, однако вопросы задавали исключительно про вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

Маргарита Ивановна с Зоей честно рассказали про вчерашний Евдокиин скандал с сыном, который никого не удивил, потому что такие скандалы происходили у них раза три в неделю и про сегодняшнюю дворничихину уборку в полшестого утра. Милиционер вопросительно взглянул на участкового, тот кивнул, подтверждая. Затем подробно расспросили Маргариту Ивановну, зачем пошла, как вышла из лифта, когда увидела труп, и где он находился. При этом милиционер с сожалением поглядывал на Рамзеса, который смиренно лежал в углу кухни на коврике. Вероятно, милиции хотелось устроить им с Рамзесом очную ставку, но не полагалось. Наконец они ушли, и измученная Маргарита Ивановна прилегла на диван.

На следующий день, в субботу, Сергей решил, что пора привыкать к холостяцкой жизни и начать рассчитывать на собственные силы. Он встал, попытался прибраться в квартире, но вскоре понял всю тщетность этой попытки, поэтому замочил белье в ванне и отправился в магазин. Когда, нагруженный пакетами, он вышел из лифта, открылась дверь Надеждиной квартиры и она сама выглянула оттуда очень возбужденная.

- Сергей, зайди ко мне срочно!
- Да я, тетя Надя, по хозяйству занимаюсь.
- Зайди, тебе говорят!

Он забросил продукты в холодильник и побежал к соседке.

– Опять мужа нет? Сторожит, что ли?
– А сегодня что, суббота? Нет, кто же днем сторожит. Он сегодня в Зоологическом музее звериную символику продает.

– Чего-чего?

– Не смейся, там ларек такой, все продается: фотографии чемпионов породы с их автографами, или там собака года, медали разные собачьи, например, за спасение в горах и все такое прочее. Еще книги из серии ЖЗЖ – «Жизнь замечательных животных».

– Неужели покупают?

– Конечно! Иностранцы вообще пачками берут. Наденут дома на свою болонку кучу медалей и говорят соседям, что она у них герой-спасатель.

– Совсем у людей крыша поехала!

– Спрос рождает предложение, – наставительно произнесла Надежда. – Да, что я тебя звала-то! Евдокию вчера убили!

– Какую еще Евдокию?

– Да дворничиху из соседнего дома, она у нас раньше работала, маленькая такая и голос визгливый, вспомнил?

– Ну вспомнил, а что?

– А то, что нашли ее вчера утром на лестнице с ножом в груди и с розой. И записка тоже была – «С днем рождения!».

– Да ты что? А у нас еще не знают...

– Еще бы у вас знали, когда милиция-то районная приезжала. Вон, из нашего сорок пятого отделения. И Павел Савельич приходил, участковый. А к вам когда еще дойдет!

– Точно это?

– Как в аптеке. Информация, считай, из первых рук. Наша Мария Петровна гуляла сегодня с Тяпой.

– Какая Мария Петровна?

– Сергей, ты меня не зли! Ты что, Марию Петровну не знаешь из сто шестой квартиры? И Тяпу?

– Так информация-то от Тяпы, что ли?

– Слушай, я тебя убью! Евдокию нашла Маргарита Ивановна, зубная врачиха. Ее собака в полседьмого подняла, они и пошли, а Евдокия на лестнице лежит.

– А чего они поперлись в такую рань?

– Ну понос у Рамзеса был от пирожных с кремом! А сегодня Мария Петровна с Маргаритой целый час гуляли, и Тяпа с Рамзесом, так что все верно тебе рассказываю.

– Ничего себе, как у вас информационная служба поставлена.

– Так что жди, скоро тебя третьим трупом озадачат.

– Да я и с этими двумя не знаю, что делать. Эксперт говорит, ножи самые обыкновенные, немецкие, лазерной заточки, про розы мало что можно сказать, а фломастер на записках одинаковый. И ты понимаешь, видно, что человек-то орудовал не случайный, не первых попавшихся теток убивал. Потому что, во-первых, дни рождения действительно у них в это время были. С директрисой он прямо в тот же день угадал, а с вашей Сталиной чуть раньше постарался, дня на два, что ли...

– Дело серьезное, трудно подгадать, чтоб к самому праздничку! Скорей всего, Сталина в день рождения на дачу все же не поехала бы, не стал он рисковать.

– А во-вторых, – подхватил Сергей, – если Сталину ему было пришить легко, потому что там в Мамино народу никого нету, то с директрисой посложнее будет. Как он в школу попал? Скорее всего, ключи у него были от черного хода.

– Ключи-то он мог запросто подобрать, какие там в школе замки?

– Я проверял: у черного хода решетка и замок висит амбарный. Но все это говорит только об одном: он готовился к преступлению заранее, и тетки были ему знакомы.

– Значит, и между ними должна быть связь!

– А ее-то как раз я и не могу обнаружить... Хожу, как дурак, людей опрашиваю, а толку – чуть. Вот ты говоришь, что теперь он еще одну ножом пырнул...

– Какие, говоришь, ножи-то?

– Немецкие, из набора, в каждом ларьке продается.

– Так это не немецкие, а турецкие, я в газете читала, у немецких клеймо не так расположено. Постой-ка! – Надежда порылась в кухонном столе и вытащила запечатанный набор ножей. – Мне подарили, я еще не раскрывала. Такие ножи?

– Да, такой набор, пять ножей.

– Пять, говоришь? – пораженные одной мыслью, они уставились друг на друга. – Ой, Сережа, попомни мои слова, будет у тебя еще два трупа!

– Типун тебе на язык, – окончательно расстроился Сергей.

В понедельник Сергей с утра поехал поговорить с родственниками Софроновой Сталины Викентьевны. Зачем это нужно, он и сам хорошенько не представлял, потому что вряд ли родственники могли что-нибудь знать про убийцу, но Сергей решил, что волка ноги кормят, и что, возможно, его осенит, так сказать, по ходу дела. Выйдя из трамвая на нужной остановке, он посмотрел в бумажку с адресом. Так, дом 62, квартира 80. В квартире 80, однако, никто не открыл, тогда Сергей поразмыслил и спустился этажом ниже. Он рассуждал просто: во-первых, нижние соседи всегда лучше слышат, когда наверху скандал, беготня и топот, во-вторых, если протечка или штукатурка сыплется, то нижние соседи страдают и отношения портятся, а когда у соседей отношения натянутые, можно про них узнать много интересного. Сергею повезло: в нижней квартире ему открыла, не спрашивая, бойкая бабуля. На строгое замечание, что, вот, предупреждает вас милиция, а вы все равно в дом всех пускаете, не спрашивая, бабуся махнула рукой и сказала, что она Сергея в «глазок» видела и сразу определила, что человек порядочный, а дома одной сидеть скучно. И если надо что-то про верхних соседей узнать, то лучше, чем она, этого никто не расскажет, а у нее, бабули, сейчас как раз время есть, пока внуки из школы не пришли, а обед она вчера на два дня сварила.

Заручившись согласием Сергея, бабуля начала рассказывать гладко, без наводящих вопросов, видно, уже не раз верхнее житье-бытье обсуждалось на лавочке.

– Значит, как в прошлом году Сталина мужа-то выжила, уехал он, хотя чем ей не угодил, никто не понимает, уж такой был мужчина хозяйственный. Ну что, квартира опустела, дочка Сталинина Карина с мужем и сыном опять сюда вернулись, хотя Карина теперь здесь не прописана, ее к тетке прописали, чтобы там квартира не пропала. Сталина довольная такая, говорит, все мое добро будет, Федору, мужу то есть, ничего не отдам. Суды у них начались, все тянется и тянется, никак к решению не придут. А тут зять Игорь Сталине под горячую руку попался, один раз повздорили, он не смолчал, второй раз, а потом Сталина принесла как-то домой котенка, кошечку. А ведь они с сыном уйдут на работу, котенок везде ходит, гадит, за ним убирать надо, а у Карины ребенок, нет ни сил, ни времени. Стала Сталина кошку у себя в комнате запирает, та орет целый день голодная. А у зятя, Игоря-то, аллергия на кошку началась, он чихает, кашляет, красный весь стал. Просила Карина по-хорошему кошку отдать, а у Сталины один ответ: я, мол, у себя дома, а если вам не нравится, то идите себе куда подальше, скатертью дорожка. Это все я сама много раз слышала, у Сталины покойной голос громкий был.

Как-то однажды уехала Сталина с сыном, с Андрюшкой, на дачу, приезжают – нету кошки. Каринка говорит: сбежала. И там непонятно: то ли и вправду сбежала, то ли Игорь ее выгнал, а только неделю кошки не было, а потом Сталина нашла ее где-то в подвале всю раздерганную, голодную. И выгнала из дому дочку, зятя и внука, ушли они к Игоревым родителям жить.

– Из-за кошки?

– Ну там много всего накопилось. И стали они жить в четырехкомнатной с сыном вдвоем. Он все маму слушался, хоть и они часто ссорились, характеры у них похожие. На дачу вдвоем, на работу вдвоем, ни друзей у него, ни девушки не было. А потом с месяц назад вдруг приводит он девчонку. Девчонка эта из деревни, из-под Вологды откуда-то, приехала сюда в институт поступать в медицинский. Конечно, никуда не поступила, кто же просто так возьмет девчонку из деревни. В общем, провалилась она, а домой ехать стыдно. Хотела работать устроиться санитаркой – без прописки не берут. Да сейчас ведь никуда не берут, чтобы с общежитием, своим

городским работать негде. В общем, где он, Андрюшка то есть, ее подобрал, я уж не знаю, а только привел в дом и матери говорит: пусть она живет.

В таком случае любая мать заартачится, а не только наша Сталина. Что у них там было – не описать. Сталина орет, девчонка эта, Наташка, плачет, сын на своем стоит – видно, крепко его зацепило. Потом вдруг приезжает Наташкина мать из деревни узнать, что тут с дочкой. Сталина ей такого наговорила, что эта мамаша вещи Наташкины схватила, собирайся, кричит, немедленно, уезжаем отсюда к чертовой матери! Та не хочет, любовь у них с Андрюшкой. Тогда мать забрала вещи и паспорт Наташкин и уехала. А Наталья осталась, теперь дома сидит, на улицу не в чем выйти.

– А я звонил, нет там никого.

– Да там она, куда денется, идем, мне откроет. Поговори с ней, она девка хорошая, небалованная.

Они поднялись наверх, позвонили, и бабуля крикнула в замочную скважину:

– Наталья, открывай, я это, Михална! На пороге открывшейся двери стояла рослая зареванная девица в ковбойке и в старых тренировочных штанах, пузырящихся на коленях.

– Вот, Наталья, милиционер пришел, ты его не бойся, все расскажи.

Соседка ушла к себе. Наталья посмотрела на Сергея, всхлипнула привычно. Потом кивком головы показала, куда пройти, а сама скрылась в ванной. Когда она вернулась, Сергей даже удивился. Голубые глаза блестели на чисто вымытом румяном лице, а через плечо была перекинута толстенная коса цвета именно пшеничных колосьев, как в сказках пишут.

– Вот те на! Ты откуда же взялась такая?

– Из деревни, из-под Вологды.

– А что такой зачуханной ходишь, что, правда мать все вещи забрала?

– Она рассердилась очень, Сталина Викентьевна про меня наговорила, что я и такая, и сякая, и по-всякому нехорошими словами. Кому понравится, когда дочку такими словами кроют? Тем более что все зазря, я не такая.

– Верю, – улыбнулся Сергей.

– А что с Андрюшей мы на улице познакомились, так всякое в жизни бывает, – солидно проговорила Наталья. – Я как узнала, что в институт провалилась, сижу и плачу. Он подошел, думал – обокрали, а потом... – Глаза ее опять предательски налились слезами.

– Не реви, – строго сказал Сергей, – давай рассказывай по порядку про тот вечер, когда Сталину убили – где была, что делала.

– Да где мне быть? Тут и была, дома сидела. Одежды-то нету. Обещал Андрюша купить, так у них зарплату не платят.

– Так надо в другое место устраиваться, – не выдержал Сергей, – раз женатым стал.

– Мать его не пускала, говорила, как же ты с высшим образованием куда-то пойдешь! Как в прошлом веке она жила! Но, – Наталья испуганно прикрыла рот ладошкой, – нехорошо про покойницу...

– Давай ближе к делу!

– Значит, накануне, как стала она на дачу собираться, так зовет Андрюшу с собой, мол, там дела много. А он говорит, какие там дела, урожай давно убран, остальное до весны подождет, что, мол, тебе нейдет. А сам так обрадовался, что она уедет, потому что отдохнуть можно.

– Что, мешала она вам, не давала одним побыть?

– Ой, не говорите! До двенадцати ночи в комнату нарочно заходит, то ей одно надо, то другое, потом ругается, что мы шумим.

– Да, тяжелый случай...

– Поэтому, когда она уехала, Андрей с облегчением вздохнул и говорит: завтра у нас выходной, позвонил на работу, что не придет, и мы с ним целый день дома одни были. – Наталья покраснела.

– Ну-ну, – пробормотал Сергей.

– А теперь в милиции Андрюшу подозревают, – мгновенно заревела Наталья, – потому что все соседи твердят, что ссорились они из-за меня сильно. А что он целый день со мной был, так ваш один милиционер говорит, что я, мол, не свидетельница, что я, чтобы парня своего выгородить, что хочешь наврать могу... – Слезы полились ручьем.

– Ох ты, Господи, иди опять умывайся!

Сергей взглянул на часы и решил, что успеет еще навестить Владимира Николаевича Чердынцева, того самого обиженного математика, про которого рассказывал ему нянечка тетя Поля. Поскольку у Чердынцева для убийства директрисы Тамары Алексеевны был самый что ни на есть распрекрасный мотив – месть, то и подозревали его в первую очередь и вызвали к следователю Громовой. Но алиби Чердынцев предоставил железное: уезжал из города к больной матери на четыре дня в Калинин. Представил он телеграмму от сестры, которая сообщала, что у матери сердечный приступ, и даже билет на поезд, который, по счастливой случайности, не успел выбросить. Следователь Громова билет подшила к делу, а Чердынцева отпустила, и теперь Сергей решил зайти к нему просто поговорить.

Двери открыл ему хиленький мужичок в очках, с седой не бородой, а бороденкой. Одет мужичок был в шорты и маечку, как на пляже. А в квартире был жуткий холод и сквозняки. Мужичок внимательно прочитал удостоверение Сергея и пригласил в комнату. Комната, против ожидания Сергея, была чистая, но были в ней две странности – распахнутый настежь балкон и еще в комнате почти не было мебели.

«Пропил, что ли?» – неуверенно подумал Сергей.

Он повидал пьяниц, и никак не вязались его представления о них с чистым полом и спокойными движениями открывшего ему дверь мужчины. И глаза у него тоже были спокойные, не было в них ни капли суетливости.

– Садитесь. – Хозяин кивнул на единственный стул, а сам расположился на маленьком коврике на полу в позе лотоса.

– А нельзя балкон закрыть? – поинтересовался Сергей. – Может, уже проветрилось?

– Вообще-то я так всегда живу, – вежливо начал хозяин, – но если вы просите...

– И зимой тоже? – полюбопытствовал Сергей.

– Когда мороз несильный. Привык, знаете, к прохладе, закаляюсь. Так вы по какому делу?

– Все по тому же самому, – вздохнул Сергей. – Вы обстоятельства дела-то знаете?

– Наслушался на похоронах Тамариных.

– Кто ж вас на похороны позвал?

– Алла позвонила, мы с ней раньше дружили, когда я в школе работал. Вы знаете, ни разу в жизни на похоронах своего врага не был, – откровенно признался Владимир Николаевич, – да у меня и врагов-то особенно не было раньше. А тут вот пошел... Не скажу, что удовольствие получил или удовлетворение. Лежит она в гробу, никто ее не боится. И хоть бы кто-нибудь искренне горевал! Люди даже и не притворялись, даже родственники не плакали.

– Здорово ее в школе ненавидели?

– Боялись, да и ненавидели тоже. Помню последний наш разговор, я, конечно, тогда не в лучшей форме был, но смотрю на нее и вдруг замечаю, какое же она удовольствие получает, когда человека унижает. Просто что-то патологическое, такое и не вылечишь. В общем, вы, конечно, думаете, что мое мнение предвзято, но я вам точно скажу, что школа теперь свободно вздохнет.

– Похоже, вы правы.

«Да-а, – думал Сергей, шагая по лужам, – пока что единственное, что связывает двух убитых женщин, кроме ножа и розы, – это то, что обе они были первостатейными стервами. Но ведь за это не убивают? То есть убивают, конечно, но в споре, в аффекте, то есть когда достала уже совсем. Но чтобы заранее смерть планировать, ко дню рождения подгадывать... это что-то новенькое, в моей практике не встречалось раньше...»

Разумеется, Надежда оказалась права, и уже во вторник на столе перед Сергеем лежало дело потерпевшей Кукушкиной Евдокии Никифоровны, уроженки деревни Чикино Калининской области, русской, пятидесяти двух лет от роду, убитой неизвестным в подъезде дома номер пятнадцать по улице Карабасова приблизительно от 5.30 до 6.30 утра двадцать восьмого октября 1998 года. Орудие убийства – немецкий кухонный нож лазерной заточки из злополучного набора. На убитой также были найдены темно-красная живая роза (на рынке пятьдесят рублей штука) и записка, где было нацарапано черным фломастером «С днем рождения!». Еще в папке находилось заключение экспертов о том, что фломастер на всех трех записках был один и тот же, а ножи – разного размера, то есть похоже, что убийца имел стандартный набор ножей и использовал их по мере надобности, причем начал с самого узкого.

Сергей просмотрел протоколы допроса свидетелей. Сосед в первого этажа работает водителем троллейбуса. Развозка собирает их в полшестого утра. Было холодно, сосед ждал в парадной, видел дворничиху живую и невредимую и даже разговаривал с ней о погоде. И вся лестница слышала, как Евдокия в полшестого начала мыть пол. Потом около часа никто не выходил, а потом в полседьмого пошла эта тетка с собакой... – как его? Хеопс? Нет, Рамзес, – и наткнулась на Евдокию. Народу утром никого, подъезд у них не закрывается, ни кода никакого, ни домофона нет, кто угодно мог войти, ножом пырнуть – и готово. Эксперты говорят, что ничего он с жертвами не делает, аккуратненько так ножичком раз, и все, крови кругом нет, очень профессионально, с первого раза – прямо в сердце. Твердая, значит, рука у убийцы. Да, тут еще копать и копать. И хоть он, Сергей, теперь работает не один, а в составе бригады, все равно времени не хватает.

Сергей поднялся и поехал на встречу с участковым.

Участковый Павел Савельевич работал на своем месте давно, Сергея знал еще мальчишкой, а с матерью его был знаком через школу – воспитывал малолетних хулиганов. Встретил он Сергея приветливо, на все вопросы отвечал с готовностью, но по поводу убийства дворничихи Евдокии находился в полном недоумении.

– Ну не представляю, кому ее убивать нужно было? Взять с нее нечего, ты ее видел, ограбить – ведро, что ли, половое кому-то понадобилось?

– А мечь? Мог ее кто-то из мести пришить? Давай, Пал Савельич, колись.

– Ну слушай. Жила Евдокия вместе с сыном в однокомнатной квартире. Площадь ведомственная, ей как дворнику полагается. Сын у нее парень молодой, тридцати еще нету, но пьяница жуткий, неделями не просыхает и, естественно, нигде не работает.

– А с чего ж его так разбирает?

– А тут видишь какое дело вышло. Был у Лешки этого, Евдокиина сына, дружок, Виталька Боченков. Еще со школы они вместе были, вместе в армию ушли, вернулись одновременно. Виталька сантехником в нашем ЖЭКе устроился и почти сразу женился. Лешка у него свидетелем на свадьбе был.

Живут молодые, ребеночек родился, а Виталька пить стал. И не то чтобы так сильно, но каждый день, работа такая, сам понимаешь. Жена туда-сюда, а у нас в соседнем квартале как раз тогда объявился целитель, белый маг, по фотографии от всего лечил и брал недорого. Вот соседки и уговорили Виталькину жену к нему обратиться, а та, дура, Виталькиной отдельной

карточки не нашла, а принесла ему фото, где они с Лешкой вместе на свадьбе. Тот фотографию взял, деньги тоже, велел ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.